

УДК 343.13

Ю.К. Якимович

**О ВОЗМОЖНОСТИ ДОСТИЖЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ
В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Исследуется вопрос об истине в уголовном судопроизводстве. Автор доказывает, что достижение объективной истины нельзя рассматривать в качестве цели уголовного судопроизводства, и обосновывает, что единственной его целью является правильное применение норм уголовного материального права. Если же нормы уголовного права применяются правильно, то тогда решены и задачи уголовного права, и задачи уголовного процесса.

Ключевые слова: *истина, доказывание, цели, задачи, уголовное судопроизводство.*

Наконец-то после десятилетий затишья юридическая наука (в том числе и уголовно-процессуальная) начала активно развиваться. Не счесть числа новых профессоров и доцентов, изобретающих все новые и новые велосипеды, не удосужившись при этом хотя бы немного почитать (не изучить) труды своих предшественников, хотя бы великих ученых XIX–XX веков. Современные научные дискуссии по своей тональности все более напоминают дискуссии 20-х годов прошлого века, когда нередко в качестве аргумента правильности своей позиции служил тезис «ты не прав потому, что я прав, а ты дурак» (простите за грубость).

Вот и теперь авторы некоторых статей доходят чуть ли не до прямых оскорблений своих оппонентов, а уж обвинения в невежестве встречаются сплошь и рядом. При этом, что еще интереснее, ярые антикоммунисты, начисто отвергающие что-либо позитивное в науке уголовного процесса советских ученых за якобы приверженность их большевизму и тоталитаризму, сами не отличаются ничем от тех же ученых-большевиков в стремлении подавить любое инакомыслие, любые взгляды, противоречащие их собственным. «Только американское судопроизводство лучшее в мире. Только состязательность и никакой публичности, никакой объективной истины и далее, и далее». Но, как не раз справедливо и очень деликатно замечал уважаемый мною профессор Л.В. Головкин, почему бы этим ученым не изучить опыт Германии, Франции, других стран континентальной Европы, провести сравнительный анализ? [1].

Я могу еще понять постперестроечных кандидатов наук, которые, думаю, вовсе не знакомы с трудами выдающихся советских ученых, внесших неоспоримый вклад в российскую процессуальную науку. Но ведь профессора, получившие классическое юридическое образование еще в советских вузах, не могут не знать трудов этих ученых. Кто как не М.С. Строгович вопреки господствующей в то время идеологии, постепенно, шаг за шагом продвигал идеи состязательности, презумпции невиновности. И если бы некоторые ученые вновь или впервые внимательно и непредвзято изучили его труды, то им бы стало ясно, что никаких противоречий между

материальной истиной и презумпцией невиновности, толкованием неустранимых сомнений в пользу обвиняемого нет. Только на основе истинных суждений (ошибки бывают и здесь, и что из этого?) может быть постановлен обвинительный приговор. Но это правило не всегда относится к оправдательному приговору, он может быть и должен быть постановлен и при наличии сомнений в достоверности установленных обстоятельств. Однако эти, казалось бы, бесспорные суждения не воспринимаются нашими учеными-американцами.

Так, М.А. Лазарева, например, пишет: «Поэтому обсуждаемый вопрос состоит вовсе не в том, достигима ли истина в уголовном процессе (в наш просвещенный век вряд ли можно это серьезно обсуждать (подчеркнуто мною. – Ю.Я.), а в том, какой цели служит реализация этой уже отвергнутой идеи» [2]. Позвольте: кем отвергнутой? М.А. Лазаревой и еще десятком современных процессуалистов. А большинство как российских [3–5; 6, с. 68, 105–108; 7, с. 66–67; 8, с. 44; 9–11; 12, с. 43], так и европейских ученых вовсе не отвергают истину, может быть, называя ее иногда иначе, например «материальная истина». Такой подход известного ученого иначе как необоснованным, субъективным и предвзятым я назвать не могу.

Еще одно, на мой взгляд очень важное, замечание: почему-то юристы, в том числе и ученые, стали вдруг считать себя специалистами даже не в смежных, а в достаточно далеких от юриспруденции сферах познания. Началось все с криминалистов. Юристы, не имея базового образования, вдруг начали писать труды по баллистике, почерковедению, холодному и огнестрельному оружию. Сегодня стало модным для юристов-криминалистов писать работы и даже преподавать судебную психологию при том, что у них нет диплома психолога. К сожалению, увлечение смежными науками, и особенно философией, коснулось и ученых-процессуалистов. Многие достаточно устоявшиеся простые и чисто процессуальные понятия они пытаются объяснить, оперируя сложнейшими философскими категориями.

Так, весьма уважаемый мною профессор Л.А. Воскобитова пишет: «Вопрос об истине изначально «принадлежит» науке философии и разрабатывае-

мой ею теории познания» [13]. И это так. Но далее она утверждает: «В уголовном процессе об истине вспоминают, как правило, после периода произвола и беззакония» [13]. Позволю не согласиться с уважаемым профессором. Споры о характере истины начались вовсе не после большевистских репрессий. Понятие материальной (объективной) истины придумали вовсе не советские ученые. Дискуссии по этому вопросу ведутся уже тысячелетия, а в отечественной процессуальной литературе эти проблемы достаточно глубоко исследовались в трудах известных российских ученых XIX века. И тогда не было единого мнения. Но полемика велась действительно на достойном ученых уровне, а не по принципу «ты сам дурак».

Так, В.Д. Спасович писал: «Из несовершенства нашего наблюдательного снаряда, из недостаточности наших органов познавательных следует, что эта достоверность, которой человек добивается из всех сил, не может быть безусловная, а только относительная. Наша достоверность только гадательная» [14, с. 15–16]. Профессор В.К. Случевский также отмечал, что «о полной несомненности не может быть и речи в области судебного исследования, и в делах судебных судья вынужден, по несовершенству средств человеческого правосудия, удовлетворяться по необходимости более или менее высокой степенью вероятности» [15, с. 397]. Такого же мнения придерживались и другие ученые того времени [16, с. 16; 17, с. 303; 18, с. 171–179]. Но были и противоположные мнения. Так, С.И. Викторский утверждал: «То, что признается судьей, должно быть согласно с действительностью, должно быть истинно» [19, с. 212].

Считаю уместным привести несколько цитат и из современных работ. Так, профессор О.Л. Баев пишет: «Могут ли иметься какие-либо возражения против необходимости установления действительности обстоятельств уголовного дела? Их нет и быть не может, у каждого разумного человека, тем более профессора в области уголовной юстиции» [20]. А ранее выдающийся советский ученый П.А. Лупинская также утверждала, что «установить истину в уголовном процессе означает познать прошедшее событие и все обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу, в соответствии с тем, как они имели место в действительности» [21, с. 129]. Профессор В. Балакшин также считает, что «целью уголовно-процессуальной деятельности и доказывания, в частности, не может быть что-либо иное, кроме как установление объективной действительности, реальности, имевшей место в прошлом. Не абсолютной истины, ибо достичь ее невозможно, не относительной, ибо это повлечет нарушение прав участников процесса, другие нежелательные последствия, а истины объективной» [22].

И если уж на то пошло, ярким сторонником формальной, юридической истины был как раз советский академик В.Я. Вышинский. Ведь это Вышин-

ский еще в 1930 г., отождествляя понятия абсолютной и объективной истины, утверждал, что «требование установления судом абсолютной истины неправильно, потому что условия судебной деятельности ставят судью в необходимость решать вопрос не с точки зрения установления абсолютной истины, а с точки зрения установления максимальной вероятности тех или иных фактов, подлежащих судебной оценке» [23]. Такого же мнения он придерживался и в начале 50-х годов прошлого века в своей «Теории судебных доказательств в советском праве» [24, с. 180–186].

После прочтения трудов Л.А. Воскобитовой и других ученых приходишь к выводу о том, что виновницей всему явилось марксистско-ленинское учение. По их мнению, именно на основе этого учения и было разработано современными процессуалистами учение об объективной истине. Однако К. Маркса вряд ли можно отнести к философам, скорее он экономист, а В.И. Ленин скорее и ни тот, и ни другой, а революционер-практик. Учение его основывается (и он сам этого не отрицал) на трудах немецких философов и, в частности, материалиста Фейербаха и диалектика Гегеля и трудах экономиста Маркса. В этом свете уместно привести высказывание В.М. Бозрова. Он пишет: «Мозаика точек зрения современных ученых... по этому поводу (о характере истины. – Ю.Я.) представляет собой не более чем блеклый (подчеркнуто мной. – Ю.Я.) вторичный продукт философских дуэлей грандов прошлого (Аристотеля, Платона, Августина, Ф. Бэкона, Б. Спинозы, К. Гельвеция, Д. Дидро, П. Гольбаха, Л. Фейербаха, Дюма, Б. Рассела, А. Пуанкаре, Р. Карнапа, К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, И. Ньютона, Г. Гегеля, И. Фихте, И. Канта, А. Эйнштейна, и др.) с проекцией на современный уголовный процесс России» [25]. Значит, споры об истине вовсе не ограничиваются периодом марксистско-ленинской теории познания, они извечны, как извечна наука философия.

Что же касается репрессий, то они были не в то время, когда советскими учеными (М.С. Строгович, П.А. Лупинская) обосновывалась необходимость достижения объективной, материальной истины, а, напротив, во времена, когда академиком А.Я. Вышинским (а его мнение было единственно правильным в науке) была поддержана идея (правда, он выдавал ее за свою) формальной (юридической) истины. Именно на основе учения о формальной (юридической) истине в науке уголовного процесса и практической деятельности стал неоспоримым тезис о признании вины как «царицы доказательств».

Именно сторонники юридической (формальной) истины в 30-е годы прошлого века обосновали возможность применения уголовной репрессии к невиновным в случае признания ими своей вины. Возможно ли осуждение невиновных при реализации института сделки о признании вины в столь любимых сторонниками теории формальной истины Со-

единенных Штатах? Или в США вовсе не бывает случаев «выбивания показаний» или самооговоров?

Конечно же, возможны случаи осуждения невиновных и в Германии, Франции, но вероятность этого гораздо меньше, чем в США, ибо в этих странах признание вины должно подтверждаться совокупностью других доказательств, а целью доказывания является установление именно объективной истины. Именно по этим причинам многие современные российские ученые весьма критически относятся к упрощенному судебному производству, предусмотренному главами 40, 40.1 УПК РФ [9, 10].

Бедой современной науки уголовного процесса, в том числе, является то, что ученые-процессуалисты все более вторгаются в сферу философии, в которой познания у них не столь велики, чтобы делать серьезные философские умозаключения применительно к уголовному процессу¹. Отсюда и получается, что сложнейшие философские категории (а ведь и сами философы трактуют их неоднозначно) применяются к понятиям уголовно-процессуальным, которые чаще всего, как и сама наука уголовного процесса, носят прикладной характер и достаточно условны.

Вот, например, «презумпция невиновности». Бесспорно, что с момента вступления в силу оправдательного приговора суда никто не вправе сомневаться в виновности оправданного или тем более называть его преступником. Между тем юристы понимают условность этого положения, ибо оправдательный приговор при определенных условиях может быть отменен в кассационном порядке.

Или еще один пример: понятия «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство» в Европе, равно как и в России, используются как синонимы. Однако очевидна условность такого отождествления, но так принято, так «договорились». Или «признаки преступления». Чисто уголовно-процессуальное понятие. И таких «условностей» в науке уголовного процесса очень много. Поэтому далеко не всем чисто уголовно-процессуальным понятиям можно придавать даже уголовно-правовой, а тем более философский смысл. Поэтому и понятие «объективная истина» в уголовном процессе носит условный характер. Но обозначьте это понятие как угодно иначе. От этого ведь не изменится сущность доказывания, направленного в пределах доказывания на установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Но в рамках предмета доказывания мы должны установить то, что было на самом деле. Иные представления приведут нас к признанию допустимости осуждения невиновных.

Авторы, отрицающие концепцию объективной истины, нередко противоречат сами себе. Так, В.А. Лазарева совершенно обоснованно утверждает, что не требует доказывания невиновность лица. Это

действительно так, ибо «недоказанная виновность равнозначна невиновности» (общеизвестная истина). Далее она также верно утверждает, что «...доказывание в рамках строго определенных процедур необходимо для выявления и обоснования тех фактов, которые в своей совокупности позволяют констатировать виновное совершение лицом общественно-опасного деяния, предусмотренного Уголовным Кодексом» [2].

Так значит, везде должны быть выявлены факты виновности? И они должны соответствовать той действительности, которой уже нет, но которая была? А что это, если не истина? Уважаемый профессор пишет также, что «Презумпция невиновности и объективная истина несовместимы. Уголовный процесс, основанный на презумпции невиновности, принципиально отличается от уголовного процесса, основанного на стремлении к объективной истине, это различные типы процесса» [2]. А что, разве в уголовном процессе, немецком или французском (который отнюдь не относится к англо-американскому типу), отрицается презумпция невиновности?

К сожалению, как это справедливо отмечает Л.В. Головкин, речь идет о пресловутых двойных стандартах, когда постсоветский процесс допустимо сравнивать с американским и недопустимо с германским и французским, ибо обычаи, условия, жизненный уклад, наш менталитет несовместим с европейским и полностью совпадает с американским.

Не голословны ли эти утверждения? В этой связи Л.В. Головкин не без некоторого сарказма пишет: «...мы либо не допускаем никакого сравнения, запрещая себе ссылаться на опыт США или Франции как несовместимый с отечественной спецификой, либо допускаем такое сравнение, понимая различия между институциональной логикой и логикой социологической, но тогда надо методологически забыть, что “Федот – не тот” не только применительно к Франции, но и применительно к США. Автор этих строк допускает полемику между обоими вариантами, лично склоняясь ко второму из них. Единственное, чего он не допускает, так это громких криков о недопустимости концептуальных сравнений с Францией, Германией или Швейцарией со стороны специалистов, полностью выстроивших свои “умозрительные теории” отнюдь не путем собирания народных обычаев в русской глубинке, а путем элементарного перевода англо-американских (чаще всего) источников» [1].

Вопрос о характере истины тесно связан с вопросом о целях и задачах уголовного процесса. Следственный Комитет РФ пытается даже инициировать рассмотрение Парламентом очередных поправок УПК РФ [26]. Предлагается закрепить в законе в качестве цели уголовного процесса установление объективной истины.

Мне кажется, авторы этого законопроекта смешивают два различных понятия: цель и средство. Установление истины – объективной (материаль-

¹ Я не хочу никого обидеть: наверное, есть отдельные самородки, способные постигнуть самостоятельно тот объем знаний, который студенты-философы изучают пять лет, а потом три года готовят диссертации и т.д.

ной) или юридической (формальной) – это не цель уголовного процесса, а всего лишь средство достижения цели уголовного процесса. Установление истины – цель доказывания. И в той мере, в какой эта цель будет достигнута в результате доказательственной деятельности, равно в такой же мере будет достигнута и цель уголовного процесса в целом.

Так что же является целью уголовного судопроизводства? В УПК РФ не сформулированы не только цель, но и даже задачи уголовного процесса. Их можно лишь теоретически обосновать, исходя из содержания ст. 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства». Впрочем, в этой статье сформулированы не все задачи уголовного процесса. В частности, отсутствует задача защиты публичных интересов, то есть интересов государства и общества. На это обстоятельство уже много раз обращали внимание в научной литературе.

В каких же случаях можно считать, что задачи, сформулированные в ст. 6 УПК РФ, будут решены? Наверное, лишь тогда, когда нормы материального уголовного права будут применены правильно. Как и сам уголовный процесс носит прикладной характер по отношению к материальному уголовному праву, «обслуживает» применение его норм, так и задачи уголовного процесса производны от назначения (задач, целей) уголовного права и не могут рассматриваться абстрактно, в отрыве от назначения и задач уголовного права. Уголовный процесс вторичен по отношению к уголовному праву. Сущность его определяется сущностью уголовного права. И никак не наоборот. И мне всегда казалось, что это положение настолько общеизвестно, что не требует дополнительной аргументации. Однако в последнее десятилетие (и особенно в рамках исследования проблем состязательности) предпринимаются попытки «оторвать» уголовное судопроизводство от уголовного права, придавать ему некую самостоятельную сущность.

Сказанное выше в полной мере относится и к задачам, и к цели уголовного судопроизводства. Их определение ни в коей мере не может быть оторвано от сущности уголовного права.

Для чего нужен уголовный процесс? И как право, и как законодательство, и как деятельность, всего лишь для того, чтобы правильно применять нормы уголовного материального права. И это единственная цель уголовного судопроизводства. Именно по этому критерию судят об эффективности уголовно-процессуальной деятельности и оптимальности ее законодательного регламентирования. И только в этом случае, когда достигается указанная выше цель и нормы уголовного права применяются правильно и эффективно, только тогда можно считать решенными и задачи, сформулированные в ст. 6 УПК РФ.

Цель же уголовного судопроизводства может быть достигнута только в результате уголовно-процессуальной деятельности, основой которой является доказывание. Целью же доказывания является установление истины. И таким образом установление

истины не может служить целью уголовного судопроизводства. Оно является лишь **средством** (подчеркнуто мною. – Ю.Я.) достижения цели правильного применения норм уголовного права, то есть средством достижения цели уголовного процесса.

В субъективных рассуждениях об объективной истине подменяются понятия «цель» и «результат». Конечно же, ныне никто не утверждает, что во всяком приговоре суда установлена объективная истина. Истинность приговора, вступившего в законную силу, лишь презюмируется. Причем презумпция эта относится к числу опровержимых. Приговор, вступивший в законную силу, может быть признан неистинным и отменен.

В любой деятельности, в том числе уголовно-процессуальной, не всегда удастся решить изначально поставленные задачи, достичь того результата, который предполагался. Но это вовсе не означает, что нельзя изначально ставить целью то, что в принципе достижимо, но не всегда достигается. Возможно ли достичь объективную (не абсолютную, конечно же) истину в ходе уголовно-процессуальной деятельности? Конечно же, да. Иначе мы переходим на позиции давно уже отвергнутой теории формальных доказательств, из которой следует в частности, что лучшим и неоспоримым доказательством является признание лицом своей вины [23, с. 13–38]. Ведь перед следователем не может ставиться задача достижения некой формальной истины: сделай то, добудь это и будет достаточно. Перед следователем ставится задача установить в рамках предмета и пределов доказывания (но не более того), что и как было на самом деле. А это и есть объективная истина [27].

Обобщая изложенное, следует сделать выводы:

1. Достижение объективной истины не может ставиться в качестве цели уголовного судопроизводства.

2. Единственной целью уголовного процесса (в любом его понимании) является правильное применение норм уголовного материального права. Если же нормы уголовного права применяются правильно, то тогда решены и задачи уголовного права, и задачи уголовного процесса.

3. Целью доказывания в уголовном судопроизводстве (а доказывание – это основа уголовно-процессуальной деятельности) является установление объективной истины (того, что было на самом деле, но только лишь в рамках предмета и пределов доказывания). В свою очередь, вследствие достижения этой цели (установления объективной истины) достигается и цель всего уголовного судопроизводства – правильного применения норм уголовного материального права.

4. Вместе с тем в силу многих причин истина достигается не во всех случаях, поэтому истинность обвинительного приговора, вступившего в законную силу, лишь презюмируется. Причем презумпция эта является опровержимой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головкин Л.В. Теоретические основы модернизации учения о материальной истине в уголовном процессе // Библиотека криминалиста: науч. журн. 2012. № 4. С. 73–75.
2. Лазарева В.А. Объективна ли «объективная истина»? // Библиотека криминалиста: науч. журн. 2012. № 4. С. 171–173.
3. Азаров В. А. О цели доказывания в современном уголовном судопроизводстве России // Проблемы уголовно-процессуальной науки XXI века: сб. ст. Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 75-летию д.ю.н., проф. З.З. Зинатуллина. Ижевск, 2013. С. 20–28.
4. Азаров В.А. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: двойные стандарты в установлении истины // Вестник Томского государственного университета: Экономика. Юридические науки. 2003. № 4. С. 14–15.
5. Головкин Л.В. Истина в уголовном процессе. Комментарии экспертов // Закон. 2012. № 6. С. 23.
6. Еникеев З.Д., Еникеев Р.З. Участие адвоката-защитника в доказывании по делам о преступлениях несовершеннолетних: социально-этические проблемы: монография. Уфа, 2004. 252 с.
7. Зинатуллин З.З., Егорова Т.З., Зинатуллин Т.З. Уголовно-процессуальное доказывание. Концептуальные основы: монография. Ижевск, 2002. 228 с.
8. Кудрявцева А.В. Теория доказывания в юридическом процессе: учеб. пособие. Челябинск, 2006. 220 с.
9. Свиридов М.К. Установление судом истины в судебном разбирательстве // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 353. С. 142–143.
10. Свиридов М.К. Установление истины на предварительном расследовании и в судебном разбирательстве // Правовые проблемы российской государственности: сб. статей. Ч. 51. Томск, 2011. С. 3–8.
11. Халиуллин А.Г. Истина в уголовном процессе. Комментарии экспертов // Закон. 2012. № 6. С. 25.
12. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2008. 240 с.
13. Воскобитова Л.А. Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве, противоречащие мифу об истине // Библиотека криминалиста: науч. журн. 2012. № 4. С. 56.
14. Спасович В. Д. О теории судебного-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. СПб., 1861.
15. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1913.
16. Михайловский И.В. Основные принципы организации уголовного суда. Томск, 1905.
17. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. СПб., 1914. 547 с.
18. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2. 606 с.
19. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1912. 442 с.
20. Баев О.Л. Законопроект «Об объективной истине в уголовном судопроизводстве», возможные последствия его принятия // Библиотека криминалиста: науч. журн. 2012. № 4. С. 20.
21. Лушинская П.А. Уголовный процесс. Учебник. М., 1995. 544 с.
22. Балакишин В. Истина в уголовном процессе // Российская юстиция. 1998. № 2. С. 18–19.
23. Вышинский А.Я. Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе // Проблемы уголовной политики. Кн. IV. М., 1937. С. 13–38.
24. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950. 308 с.
25. Бозров В.М. Истина в уголовном процессе: proetcontra // Библиотека криминалиста: науч. журн. 2012. № 4. С. 33–34.
26. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=97030> (дата обращения: 10.04.2013).
27. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 384 с.

ON THE POSSIBILITY OF OBJECTIVE TRUTH IN MODERN CRIMINAL PROCEDURE

Russian Journal of Criminal Law, 2014, no. 1(3), pp. 69–74.

Yakimovich Yuriy K. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: yakim@mail.ru

Keywords: truth, evidence, goals, objectives, criminal procedure.

Why is there a need for a criminal trial? As the law, legislation, and as an activity it provides for correct application of the rules of criminal substantive law. And this is the sole purpose of criminal proceedings. It is by this criterion that the effectiveness of criminal procedure and the optimality of its legislative regulation are judged. Only when the above aim is achieved and the criminal law is applied correctly and effectively the objectives set out in Article 6 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation can be considered as resolved.

But the objective of criminal proceedings can only be achieved as a result of criminal procedure, the basis of which is proof. The purpose of the proof is to establish the truth. So the truth cannot be the objective of criminal proceedings. It is only a means to correct application of the criminal law, that is a means to achieve the aim of the criminal process.

In subjective arguments of objective truth the concepts of “purpose” and “result” are replaced. Nowadays, no one argues that any court verdict sets an objective truth. The truth of the sentence which came into force is only presumed. And this presumption is refutable. The verdict which came into force may be found untrue and cancelled.

In any activity, including criminal procedure it is not always possible to solve initial tasks, to achieve the results expected. But this does not mean that one cannot initially aim at what is generally achievable, but not always achieved. Is it possible to achieve an objective (not absolute, of course) truth during criminal procedure? Yes, of course. Otherwise, we move to the position of the long rejected theory of formal proofs, which implies in particular that the best indisputable evidence is one's admission of guilt. After all, the investigator cannot be given the task of achieving a certain formal truth: do this, get that and it

will do. The investigator seeks to establish what has happened and how it has happened in the framework of the subject and scope of evidence (but no more). And that is the objective truth.

Summarizing the above, it is necessary to draw conclusions: 1. Achievement of objective truth cannot be made the purpose of criminal proceedings. 2. The sole purpose of criminal proceedings (in any of its interpretations) is the correct application of criminal substantive law. If the criminal law applied correctly, then the objectives of both the criminal law and criminal procedure are solved. 3. The purpose of proof in criminal proceedings (and proof is the foundation of criminal procedure) is to establish the objective truth (what has actually happened, but only within the subject and scope of evidence). In turn, establishing an objective truth results in correct application of criminal substantive law. 4. Yet, for many reasons, the truth is not achieved in all cases, so the truth of conviction which came into force is only presumed. And this presumption is refutable.

REFERENCES

1. Golovko L.V. The theoretical grounds for modernization of the doctrine of substantive truth in criminal process. *Biblioteka kriminalista – Criminalist's Library*, 2012, no. 4, pp. 65–87. (In Russian)
2. Lazareva V.A. Is "Objective Truth" Objective? *Biblioteka kriminalista – Criminalist's Library*, 2012, no. 4, pp. 171–176. (In Russian)
3. Azarov V.A. [On the purpose of proof in criminal proceedings modern Russia]. *Problemy ugolovno-protsessual'noy nauki XXI veka: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Problems of criminal procedural science of the 21st century. Proc. of international scientific-practical conference]. Izhevsk, 2013, pp. 20–28.
4. Azarov V.A. Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: dvoynye standarty v ustanovlenii istiny [Criminal Procedure Code of the Russian Federation: double standards in establishing the truth]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Ekonomika. Yuridicheskie nauki*, 2003, no. 4, pp. 14–15.
5. Golovko L.V. Istina v ugolovnom protsesse. Kommentarii ekspertov [Truth in criminal proceedings. Expert Comments]. *Zakon*, 2012, no. 6.
6. Enikeev Z.D., Enikeev R.Z. *Uchastie advokata – zashchitnika v dokazyvanii po delam prestupleniyakh nesovershennoletnikh: sotsial'no-eticheskie problemy* [Participation of lawyer in proofs in juvenile crimes: socio-ethical issues]. Ufa, 2004. 252 p.
7. Zinatullin Z.Z., Egorova T.Z., Zinatullin T.Z. *Ugolovno-protsessual'noe dokazyvanie. Kontseptual'nye osnovy* [Criminal procedure proof. Conceptual foundations]. Izhevsk, 2002. 228 p.
8. Kudryavtseva A.V. *Teoriya dokazyvaniya v yuridicheskom protsesse* [Theory of proof in the legal process]. Chelyabinsk, 2006. 220 p.
9. Sviridov M.K. Establishment of the truth in the course of trial. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2011, no. 353, pp. 142–147. (In Russian)
10. Sviridov M.K. [Establishing the truth at the preliminary investigation and trial]. *Pravovye problemy rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of Russian statehood]. Tomsk, 2011, pt. 51, pp. 3–8. (In Russian)
11. Khaliulin A.G. Istina v ugolovnom protsesse. Kommentarii ekspertov [Truth in criminal proceedings. Expert Comments]. *Zakon*, 2012, no. 6.
12. Sheyfer S.A. *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugolovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Moscow, 2008. 240 p.
13. Voskobitova L.A. Some specific features of knowledge in criminal proceedings contradicting the myth of truth. *Biblioteka kriminalista – Criminalist's Library*, 2012, no. 4, pp. 56–64. (In Russian)
14. Spasovich V.D. *O teorii sudebno-ugolovnykh dokazatel'stv v svyazi s sudoustroystvom i sudoproizvodstvom* [On the theory of criminal forensic evidence in connection with the court systems and procedures]. St. Petersburg, 1861.
15. Sluchevskiy V.K. *Uchebnik russkogo ugolovnogo protsessa* [Tutorial of Russian criminal proceedings]. St. Petersburg, 1913.
16. Mikhaylovskiy I.V. *Osnovnye printsipy organizatsii ugolovnogo suda* [Basic principles of criminal court]. Tomsk, 1905.
17. Rozin N.N. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal justice]. St. Petersburg, 1914. 547 p.
18. Foinitskiy I.Ya. *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* [A course of criminal proceedings]. St. Petersburg, 1996. Vol. 2, 606 p.
19. Viktorovskiy S.I. *Russkiy ugolovnyy protsess* [Russian criminal trial]. Moscow, 1912. 442 p.
20. Baev O.L. The bill "On objective truth in criminal proceedings" and possible consequences of its adoption. *Biblioteka kriminalista – Criminalist's Library*, 2012, no. 4, pp. 19–32. (In Russian)
21. Lupinskaya P.A. *Ugolovnyy protsess* [Criminal procedure]. Moscow, 1995. 544 p.
22. Balakshin V. Istina v ugolovnom protsesse [Truth in criminal proceedings]. *Rossiyskaya yustitsiya*, 1998, no. 2, pp. 18–19.
23. Vyshinskiy A.Ya. *Problema otsenki dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse* [The problem of evaluating evidence in the Soviet criminal trial]. In: *Problemy ugolovnoy politiki* [Problems of criminal policy]. Moscow, 1937. Book IV, pp. 13–38.
24. Vyshinskiy A.Ya. *Teoriya sudebnykh dokazatel'stv v sovetskom prave* [Theory of forensic evidence in Soviet law]. Moscow, 1950. 308 p.
25. Bozrov V.M. Truth in criminal process: pro et contra. *Biblioteka kriminalista – Criminalist's Library*, 2012, no. 4, pp. 33–39. (In Russian)
26. Draft of the Federal Law "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the introduction of the institution to establish the objective truth in a criminal case". Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=97030>. (Accessed: 10th April 2013). (In Russian)
27. Strogovich M.S. *Material'naya istina i sudebnye dokazatel'stva v sovetskom ugolovnom protsesse* [Material truth and forensic evidence in the Soviet criminal trial]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1955. 384 p.